

НИЖНЯЯ БРЕТАНЬ, МАРТ 1793 ГОДА.

Шаг за шагом подошвы шипованных солдатских сапог погружались в ил. Вязкая грязь с трудом выпускала их из своих объятий под мерное хлюпанье, более напоминавшее горькие всхлипы. С отливом побережье пропахло гниющими водорослями — подходящий запах этой гиблой весны, когда молодая Революция увязла в гражданской войне и крови. За обнажившимися рифами бушевал океан, неистово терзаемый норд-вестом. От ветра трескались губы, и брызги накрывали вооруженную колонну «синих»¹. На горизонте чернильная полоса облаков прорезала серую пелену волн и неба. Приближался шторм.

---

¹ «Синие» и «белые» — противоборствующие стороны во время Великой французской революции, революционеры и сторонники свергнутой династии Бурбонов, соответственно. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

ВЕНДИГО

5

Во главе солдат Республики шел лейтенант Жан Вердьё; ему едва исполнилось двадцать лет, и до массовой мобилизации¹ он ни разу не покидал Парижа. Молодой офицер приподнял край треуголки и осмотрел донжон.

Башня — это всё, что осталось от крепости, долгое время терзаемой волнами. Она стояла на рифе, едва выступающем над поверхностью воды. Большую часть года это был небольшой островок, и лишь отлив, наступавший в день равноденствия, на несколько часов превращал его в полуостров. К зданию вела лестница, высеченная в скале; ее изъеденные солью нижние ступени покрывал толстый слой ракушек.

Жан кинул суровый взгляд на строгое гранитное сооружение, поросшее морским критумом, на вершине которого кричали чайки. Там «синих» ждала добыча, запертая меж высоких стен. Жюстиньен де Салер, бывший маркиз де О-Морт. Молодому лейтенанту нельзя было возвращаться в Нант без аристократа. Море уже поднималось, сужая проход к башне. Жан и его люди медленно плелись вперед в состоянии изнеможения, уже давно превзошед-

---

¹ Декрет Национального конвента от 23 февраля 1793 года о мобилизации 300 000 человек из числа неженатых или вдовцов в возрасте от 18 до 45 лет.

шего простую усталость. Они должны были прибыть раньше, но их путь несколько раз прерывали стычки на болотах. Так они потеряли пятерых товарищей. Позднее пришлось бросить и шестого, охваченного жаром лихорадки и неспособного даже стоять на ногах. Жан уже давно не задавался вопросом, почему крестьяне так ожесточенно дерутся на стороне дворян. Отряд республиканцев две последние ночи провел почти без сна и ничего не ел со вчерашнего дня. Большая часть их провизии испортилась от сырости. Лейтенант не понимал, каким чудом они все еще держатся на ногах. Однако отряд продолжал двигаться вперед — они все, солдаты Революции, привыкли наступать, и не важно, кто против них — монархии Европы или банды бедняков, которых аристократы и священники толкали на бой. И именно поэтому Республика все еще держалась: ее защитники могли идти дольше и дальше, чем ее противники. Просто идти.

День затухал. Жан и его люди знали, что на подходе к башне их раскроют. Кто угодно из бойниц мог их перестрелять, как кроликов. По полученным сведениям, внутри не осталось никого, кроме старого маркиза. Но можно ли было этому верить? Так или иначе, они скоро обо всем узнают. Возвращаться назад нельзя, а заночевать на берегу под открытым небом

ВЕНДИГО

7

означало отдать себя на милость шуанов¹. Это было не менее опасно.

Жан направился к перешейку. Над головой продолжали пронзительно кричать чайки, словно пытаясь кого-то предупредить. Из-за водорослей камни стали скользкими. Вердье распрямил плечи и поднял воротник формы, скорее по привычке, чем чтобы защититься от брызг. Маркиз Жюстиньен де Салер когда-то славился как лучший стрелок на побережье. Сейчас ему было уже за семьдесят, и, вероятно, он представлял меньшую опасность, чем в прошлом.

Если только был один.

Жан оставил попытки понять шуанов и их привязанность к бывшим хозяевам. Однако желание местных людишек защищать старого маркиза, казалось, не лишено смысла. Отправляясь на свою «охоту», молодой лейтенант навел справки о добыче. И ему не понравилось то, что он узнал. Жану все больше становилось не по себе от этого хаоса, размывающего границы морали, цели и ценности Революции. Он все больше пил во время своих редких отпусков. Напивался, чтобы в пьяном дурма-

---

¹ Шуаны — крестьяне, которые поддержали Бурбонов в их борьбе против республиканского законодательного собрания.

не больше не думать о тех, кого вел на верную смерть, — о своих солдатах, слишком молодых и слишком неопытных, чтобы держать оружие, а также о тех несчастных, которых после слишком поспешного суда вели на гильотину. В Париже, в камерах Консьержери¹, устраивались светские обеды, странные вечеринки, где те, кого собирались казнить завтра или же послезавтра, шутили и танцевали, ожидая своей последней поездки в телеге. Те, кто заслужил эшафот, и те, кто его не заслужил.

Жан с горечью думал, что человек, которого он собирался арестовать, в сущности, был почти что святым. Святой атеист, распутник в юности, философ, который со дня похорон своего отца так ни разу и не зашел в церковь. И то, как говорили злые языки, в тот день он сделал это лишь затем, чтобы удостовериться, что старый маркиз не восстанет из гроба.

Насколько понял Жан, между отцом и сыном произошла довольно серьезная ссора. Сорок лет назад первый грозил лишить наследства второго, отправил его за океан, в Новую Францию, которую в то время англичане уже почти отобрали у французов посредством множества договоров и оружейных выстрелов. Вражда между отцом и сыном тогда обрела огласку, их взаимная ненависть была столь сильной, что

---

¹ Тюрьма в Париже.

ее отголоски живы до сих пор и можно услышать, как о ней говорят.

Жюстиньен вновь объявился только после смерти родителя. Он предстал перед всеми в церкви, когда звонил колокол и готовили к выносу гроб. Его выход произвел впечатление: плечи, покрытые мехами из Нового Света, засаленная кожаная треуголка, натянутая поперх седого парика. А лицо... Как гласит местное предание, увидев его, некоторые люди перекрестились, а герцогиня В. потеряла сознание. С другого конца света Жюстиньен вернулся изуродованный, его лицо рассекали глубокие косые шрамы, а покрасневшая кожа была покрыта волдырями.

Однако вскоре люди болот поняли, что это не самая заметная перемена. Там, в северных лесах, новый маркиз нашел нечто, напоминавшее его версию веры.

На протяжении почти сорока лет с момента своего возвращения Жюстиньен принял сторону бедняков, торговцев рыбой, безземельных крестьян... Он защищал их, поддерживал, как мог, жертвуя тем немногим, что осталось от уже потрепанного семейного состояния. По слухам, в свое время он даже помогал семьям лжесолеваров, которых сборщики налогов заключили в тюрьму. С первых дней Учредительного собрания здесь, в своем уголке Бретани, он встал на сторону третьего сословия, а по-

ЭСТЕЛЬ ФАЙ

10

сле ночи 4 августа¹ оплачивал всем угощение в местной гостинице.

Жан усталой рукой смахивал брызги, обжигавшие его покрасневшие от ветра щеки. Океан бился о берег. Под коварными водорослями тут и там сновали зеленые крабы. Вердье изо всех сил пытался сосредоточиться на своих шагах, на проклятой башне, которая, как ему казалось, почти не приближалась. Однако, как ни старался, его сознание куда-то уплывало. Ему снились дикие просторы, холод и снег, о которых он читал в книгах. Снились волны по ту сторону океана, несущие ледовое крошево. Те края, где то ли дикие звери, которые намного страшнее здешних, то ли некие неизвестные чары исказили облик Жюстиньена де Салера. Где, несомненно, колдуны изменили его душу.

Внезапный мушкетный выстрел разбрызгал ил в нескольких шагах перед офицером. Жан подпрыгнул и рефлекторно отступил назад. Позади него люди замерли. Раздался второй выстрел, еще ближе. Жан присел на корточки и жестом приказал отряду сделать так

---

¹ Ночь 4 августа 1789 года, когда в ходе Великой французской революции Учредительное собрание положило конец феодализму, отменив привилегии духовенства и дворянства.

же. Чайки на вершине башни умолкли. Молодой лейтенант почувствовал капли пота под треуголкой и поднял взгляд на стены башни. Окна. В одной из бойниц блеснул металл. Мушкетный ствол.

За спиной какой-то солдат выругался, а другой спросил:

— Что происходит?

Жан задумался. Поднимался прилив, ветер усиливался, ледяная влага проникала в сапоги и под мундир. Из башни донесся голос, усиленный медным рожком, которым пользуются на флоте.

— Идите вперед, офицер. Один.

Жан выпрямился.

— Не ходите туда, лейтенант, — с тревогой произнес один из его бойцов.

— А если нет, то что? — крикнул в ответ Жан.

И в этот миг лейтенант почувствовал, как ему надоел, нестерпимо надоел этот мир, который он перестал понимать. Как ему осточертела эта вечная усталость и эта война, в которой он больше не видел смысла. Может, будет лучше пасть от пули стрелка из засады. Говорят, смерть похожа на сон. И ему больше никогда не будет холодно.

Жан Вердые поднялся, не вполне себя осознавая. Вынул пистолет и снял саблю, пере-

дав их своим бойцам. С раскрытыми ладонями встал у подножия башни. Никакого движения внутри не последовало. Тропливо поднимаясь по нескольким ступенькам, ведущим к входной двери, Жан все еще колебался. В здании царил такой дух запустения, что у лейтенанта даже промелькнуло сомнение, не обманули ли его. Донжон казался пустым. Не приснился ли ему, не был ли иллюзией голос и мушкетный выстрел? Дверь — настоящий дубовый монстр, посеревший от соли, толщиной в несколько дюймов с изъеденной ржавчиной железной основой — была приоткрыта. Через дверной проем лейтенанту виднелась лишь черная глубина. Он глубоко вздохнул и толкнул створку.

Первый этаж показался пустым и еще менее гостеприимным, нежели берег снаружи. Все окна были разбиты. Разъехавшиеся закрытые ставни местами пропускали бледный дневной свет, которого едва хватало, чтобы разглядеть очертания немногочисленных покосившихся предметов мебели, покрытых плесенью. В глубине помещения просматривалась узкая лестница, ведущая наверх. Жан сделал еще несколько шагов вперед. В ноздри ударил затхлый запах гниения и тлена. На верхних этажах что-то застучало о пол. Жан остановился, все его чувства обострились. Наверху лестницы возникла призрачная фигура, четко очерченная одним из редких лучей света. Высо-

кий худощавый мужчина в фетровом плаще, без шляпы, с тростью в одной руке и мушкетом в другой. Молодого лейтенанта охватила невольная дрожь. Он лихорадочно потер лоб.

— Чего вы хотите от меня? — произнес он напряженным голосом. — Вы Жюстиньен де Салер?

Мужчина не ответил. Жан снял треуголку и снова потер лоб, повторяя свой нервный жест.

— Мы собираемся вас арестовать, вы знаете? — настаивал он. — Вы можете пристрелить меня, придут другие. Это вопрос времени.

Жану показалось, что он услышал фырканье сверху. Знак презрения? Он переступил с одной ноги на другую. Наконец мужчина заговорил с сухой насмешкой:

— Если бы я хотел вас застрелить, то уже давно бы это сделал.

— Чего же вы от меня хотите? — спросил лейтенант, мало успокоенный этим заявлением.

— Поговорить, — ответил человек в темноте.

— Поговорить? — недоуменно повторил лейтенант.

— Просто поговорить. А затем я последую за вами без лишних разговоров.

В его чуть хриловатом голосе было нечто, напоминавшее прибой на рифах, как будто

он слишком долго кричал на открытом ветру. Движением трости маркиз пригласил лейтенанта последовать за ним. Жан повиновался. Должно быть, свой инстинкт самосохранения он скинул, подобно громоздкому мешку, где-то между болотами и башней.

Ступеньки скрипели под ногами. Трость маркиза постукивала при ходьбе, словно отмеряя время. А помимо этих звуков, в здании царил могильная тишина, едва нарушаемая шумом прибоя. Когда молодой лейтенант попытался прибавить шаг, маркиз обернулся к нему, поднял мушкет, но лишь затем, чтобы побудить его замедлить ход. В эти минуты слабый свет скользил по рельефам его лица, всем впадинам и выступам, напоминавшим гранитные скалы, истерзанные морем. Нездоровое любопытство побуждало Жана пытаться увидеть больше.

Кем на самом деле был Жюстиньен де Салер? Распутник в юности, добрый самаритянин, вернувшийся из Новой Франции? Почему он закрылся здесь, в этих руинах, с единственным выходом к берегу? Имея друзей на побережье, Жюстиньен мог переправиться в Англию или исчезнуть на болотах. Почему решил дожидаться «синих»? Чтобы устроить им ловушку? Но если да, то какую? Нет, в этом не было никакого смысла...

ВЕНДИГО

15

